

УДК 81'42:821.161.1.

МРНТИ 16.21.55

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2026.3.82.025>

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТИГМАТИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

Тойшибаева Г.К.¹, *Сыздыкбаев Н.А.², Абжанова Т.А.³

^{1, *2,3}Казахский университет международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются речевые средства репрезентации стигматизации как социального явления, заключающегося в клеймении (маркировании) и физическом или моральном отчуждении индивида или группы лиц, отличающихся от сообщества определенным признаком.

Целью исследования является выявление лексико-фразеологических, синтаксических, стилистических средств создания образа стигматизируемого персонажа в художественном тексте, определение его роли в раскрытии образной картины мира, представленной художником, а также характеристика авторских языковых особенностей.

Задачи исследования: сбор и систематизация материала для анализа, его рассмотрение с точки зрения используемых речевых средств, выявление роли стигматизируемого персонажа в раскрытии идейно - эстетического содержания произведения, а также определение специфики авторского подхода к изображению ситуаций стигматизации.

Научная значимость и новизна работы заключаются в рассмотрении феномена стигматизации в плане речевого воплощения в творчестве Достоевского, а также в изучении стигматизации как дискурсивной практики.

Практическая значимость в том, что выводы исследования можно использовать в преподавании творчества Достоевского в школе и вузе, а также в рассмотрении речевых средств стигматизации как дискурсивной практики в различных сферах коммуникации.

В статье использованы методы сплошной выборки материала, описания и классификации, дискурс- анализ.

Материалом для исследования послужили тексты романов Достоевского 60-70-х гг. В ходе анализа были выявлены персонажи, которые можно охарактеризовать как стигматизируемые (Соня Мармеладова, князь Мышкин, Настасья Филипповна, Илюша Снегирев и др.). В изображении таких персонажей автор использует характерные лексические группы («смех», «слухи», «эмоциональная реакция» и др.), фразеологические средства («желтый билет»), стилистически сниженную лексику, синтаксические средства с выраженным имплицитным содержанием и др. Речевое воплощение стигматизируемых персонажей способствует

раскрытию внутреннего мира героев, а это, в свою очередь, обуславливает психологическую глубину произведений Достоевского. В целом такой аспект создания образа персонажа можно считать индивидуально - авторским приемом изображения.

Выводы работы можно считать определенным вкладом в лингвопоэтику, в теорию дискурсивных практик и коммуникативистику. Основные положения научного исследования могут быть применены в практике анализа проявлений стигматизации в различных сферах коммуникации в обществе.

Ключевые слова: стигматизация, языковая репрезентация стигматизации, клеймение (маркирование), художественный текст, дискурсивная практика, психологическая глубина художественного произведения, внутренний мир персонажа, художественная картина мира

Введение

В статье в языковедческом аспекте исследуется широко и с давних пор распространенное в обществе явление стигматизации.

Стигматизация – социально - культурное явление, заключающееся в процессе клеймения (обозначения, метки, маркирования) индивида или группы людей, отличающихся определенным признаком от представителей сообщества и тем самым не соответствующих общепринятым нормам. Стигматизация ведет к отделению, изоляции от общества и, как правило, обуславливает различные психологические проблемы у стигматизируемого, ущемление в правах на свободную жизнь, на изъявление своей воли, на успешное осуществление трудовой деятельности и т.д.

Данное явление характерно для различных сфер жизни и коммуникации, таких как бытовая, образовательная, правовая, воспитание, медицина, политика и т.д., что обуславливает интерес к нему у представителей разных наук.

Феномен стигматизации широко отражается и в художественных текстах, при этом эстетическое значение изображения этого общественного явления, а также стигматизированного персонажа чрезвычайно велико в создании образной картины мира.

В работе исследуется речевое воплощение явления стигматизации в художественном тексте на материале романов Ф.М. Достоевского.

Творчество Ф.М. Достоевского, несмотря на более чем 180-летний период существования, все еще привлекает внимание исследователей, все еще находятся аспекты, не являвшиеся предметом глубокого языковедческого анализа. Произведения Достоевского можно рассматривать в соответствии с современными лингвистическими тенденциями в качестве источника примеров речевых практик и определенных речевых технологий, то есть исследовать в русле функционально - деятельностных теорий языка. Необходимостью всестороннего исследования отдельных

приемов, способов изображения персонажей, речевой репрезентации в целом образной картины, создаваемой великим писателем, объясняется актуальность и научная новизна данной работы.

Ф.М. Достоевский, как автор психологических романов, отличается глубиной изображения внутреннего мира своих героев, в том числе обездоленных, униженных, оскорбленных. В произведениях писателя особое место занимают персонажи, подвергшиеся стигматизации по определенному признаку. Индивидуальный стиль художника проявляется в том, какими речевыми средствами репрезентируется стигматизация персонажей, какое место занимают данные персонажи в выражении идейно-эстетического содержания того или иного произведения.

Описание материалов и методов

Целями статьи являются: рассмотрение речевых средств стигматизации в художественном тексте (на примере произведений Ф.М. Достоевского), определение роли этого общественного явления в создании образного строя произведения и выявление индивидуально- авторских особенностей образной картины мира. В связи с этим ставятся задачи выбора и систематизации материала исследования, его анализа с учетом авторского дискурса, в том числе описания, классификации случаев стигматизации, выявления речевых средств ее выражения и определения ее роли в раскрытии образной системы произведения. Решение указанных задач обуславливает достижение целей научной статьи.

Материалом исследования послужили примеры изображения стигматизируемых персонажей в текстах романов Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот» [1].

В работе использованы методы сплошной выборки (при подборе материала исследования), описания, дискурс-анализа (в анализе материала исследования).

Теоретической основой исследования являются научные труды ученых, рассматривающих феномены стигмы, стигматизации как социокультурного явления, а также лингвистические работы, посвященные таким аспектам, как коммуникативистика, прагматика, дискурсология.

Научная история исследования стигмы начинается с социологических работ И. Гофмана (60-е гг. 20 в.), в которых ученый определяет понятие стигмы как «качества, выдающего какое-то постыдное свойство индивида» [2, с.3], причем это качество обуславливается отношением членов *нормального* сообщества. Ученый связывает стигму с понятиями социальной идентичности, нормы, стандарта, стереотипа, называет виды стигмы (телесное уродство, недостатки индивидуального характера, родовая стигма), останавливается на понятии стыда, поскольку стыд является основным чувством, испытываемым стигматизируемым.

Современные подходы к пониманию стигматизации можно продемонстрировать на примере работ, посвященных ее проявлениям в образовательной среде.

Пашковский Е.А., анализируя явление стигматизации, дает ее характеристику как явления социального, указывает на ее междисциплинарный характер, так как она рассматривается не только в социологии, но и в психиатрии, психологии и образовании, считает, что стигма определяет отношение к личности, начиная с игнорирования и заканчивая актами насилия. Ученый останавливается на различных этапах стигматизации (навешивание ярлыка, стереотипизация, сепарация, дискриминация), на шести измерениях стигмы (скрываемость, ход, разрушительность, эстетические качества, происхождение, опасность). Очень важной мыслью является мысль о том, что стигматизация носит относительный характер и зависит от культуры, времени, эпохи и др. условий [3, с.115]. В работе главное внимание уделяется стигматизации в образовательной деятельности. Отмечается, что стигматизации учащийся может подвергаться из-за успеваемости, поведения, особенностей внешности, положения семьи, принадлежности к той или иной расе и т.д.

Исследование Лисицы К.Э., Туркулец А.В. и Туркулец С.Е. посвящено рассмотрению влияния социальной стигматизации (деление обучающихся, вузов, специальностей на ядро, полупериферию, периферию) на образовательную неуспешность [4].

Г.Е. Зборовский и П.А. Амбарова в своей очень обстоятельной работе также рассматривают понятие образовательной стигмы.

Авторы определяют образовательную стигму как отрицательное отношение к субъектам обучения (индивидам, группам, организациям), чья образовательная деятельность маркируется социальным окружением (или самим субъектом обучения) как не соответствующая его представлениям о «нормальности»; также авторы разрабатывают уровневый подход к ее изучению. Важной является мысль о том, с какого периода маркеры образовательной неуспешности приобретают характер стигмы: когда эта неуспешность начинает проявляться систематически [5, с.11].

Авторы статьи называют различные механизмы стигматизации, в числе которых языковые (клички, дразнилки, молчание); стили общения (манипуляции, давление, угрозы, остракизм, буллинг); применение разных шкал оценивания учебных достижений (двойные стандарты, занижение оценок); депривация (ограничение прав, возможностей, ресурсов, отказ в доверии, делегировании полномочий); физическое насилие (со стороны родителей).

Естественно, что для авторов настоящей статьи в соответствии с целями являются значимыми работы, связанные с рассмотрением языковых, речевых средств стигматизации. Среди таких работ заслуживает внимания статья Анны Олешковой [6], в которой исследуется так называемый новояз – синтез языка идеологии и сетевого языка, используемый говорящими для стигматизации личностей, усиления дихотомии «свой- чужой». Иначе говоря, такой язык начинает играть роль языка вражды, ненависти, манипуляции.

В работах А.М. Олешковой и Н. Потапова социологической направленности анализируется абсолютно новое, необычное явление – цифровая стигматизация с точки зрения ее формирования, развития. Авторы утверждают, что «стигматизация является механизмом власти и контроля в современных обществах» [7]. Выявляются механизмы цифровой изоляции, роль в этом интернет - комментариев, медиа. Объясняется роль дихотомии «свой- чужой», являющейся ключевым механизмом изоляции и исключения индивидов.

М. П. Цыбульская [8] в своей работе обращает внимание на то, как меняются роли текстообразующих категорий модуса и диктума при стигматизации. Автор приводит примеры интерпретации, например, так называемого «русского мира», когда понятие русского мира имеет информативное значение, отражает объективную действительность, и когда оно приобретает оценочное значение.

Очень интересным для авторов настоящей статьи является исследование Г.Н. Кравченко 2010-го года «Коммуникативный механизм стигматизации как основа формирования негативного образа профессии», в которой говорится о различных коммуникативных технологиях и практиках стигматизации. Автор относит к таким практикам слухи (сплетни, злословие), оскорбления, грубую брань, угрозы, замечания, категоричные требования, насмешку, пожелания зла и т.д. [9, с.117] Эта работа содержит достаточно много идей, явившихся полезными в раскрытии нашей темы.

Одной из сторон стигматизации как общественного явления можно назвать речевую (языковую) агрессию. Как отмечают С.А. Меттибаева и Р. Досымбекова, «языковая агрессия – это использование языковых средств для выражения враждебности, ненависти, способ высказывания, оскорбляющий чужую гордость, достоинство, а также выражение прямого призыва адресата к агрессивным действиям, поддержание агрессивного тона собеседника и структуры речи» [10, с.163]. Одним из важных средств ее выражения является так называемая инвективная лексика. Например, использование слова «идиот» в оценочном, ругательном значении можно считать примером инвективной единицы.

Если подходить к стигматизации с точки зрения речевого воплощения, то ее можно рассмотреть в аспекте коммуникативистики как часть коммуникативного процесса, при котором выбираются определенные слова и выражения, тональность, стиль речи, в целом речевая стратегия, чтобы создать нужный образ стигматизируемого человека.

Если стигматизация рассматривается с точки зрения прагматики, то важно обратить внимание на то, какие речевые акты воплощаются в речи, какие скрытые смыслы возникают.

Исследование речевой стигматизации очень выигрывает, если считать ее одним из видов дискурсивных практик, для которой характерны свои средства речевого насилия, отчуждения от сообщества и другие особенности.

Таким образом, опираясь на исследования явления стигматизации в аспектах социологии, педагогики, политики, современных направлений

лингвистики и т.д., мы рассматриваем стигматизацию как определенную коммуникативно - речевую практику в рамках функционально-деятельностных теорий языка, отражающую процессы, происходящие в обществе и отраженные в художественном, творческом мире.

Результаты и обсуждение

Стигматизация – речевая практика, в которой взаимодействуют несколько сторон, чаще всего две: сторона стигматизирующих и сторона стигматизируемых.

Стигматизация чаще всего начинается с того, что в том или ином человеке другими членами сообщества замечается некий признак, выделяющий его из группы, и этот признак озвучивается в виде номинации - ярлыка, дразнилки, прозвища, клички, любого словесного маркера. Это может быть признак бедности, нищеты (семьи Мармеладовых, Снегиревых), признак телесно - психического увечья (князь Мышкин, Лизавета Смердящая, Лиза Хохлакова), индивидуальный признак (развратник Федор Карамазов, пьяница Мармеладов, проститутка Соня Мармеладова, Настасья Филипповна–содержанка и др.)

Постыдный признак, систематически проявляющийся, бросающийся в глаза, выделяющий человека из толпы как чужого, показывающий, что он не такой, как все, отчуждающий его от сообщества, – становится раздражителем для людей и постоянно обсуждается, упоминается в пересудах, слухах (в прямой речи персонажей, в косвенной речи, как реплика в беседе, в диалогах).

Человека не только выделяют из толпы, обсуждают, но и характеризуют в разных высказываниях - стереотипах: например, Настасья Филипповна (Идиот) – содержанка Тощого, следовательно, продажная женщина; князь Мышкин – идиот, следовательно, «что с него взять?», Сонечка Мармеладова – проститутка и из бедной семьи, следовательно, люди из приличных семей не могут с нею общаться.

Естественно, стигматизируемый человек реагирует: описываются действия, поступки, слова по отношению к стигматизирующим, а также изображается внутренний мир человека, подвергнувшегося стигматизации. И в этом большую роль играют лексико- грамматические группы слов, например, слова, выражающие эмоции или эмоциональную реакцию, или группы глаголов речи, мысли, физического действия, мимических движений; существительные, называющие стигматизируемый персонаж и др.

Описывая персонажей, Ф.М. Достоевский мастерски разворачивает картину стигматизации данных героев. Так, в потоке описания действий, поступков, портретов персонажа высказывается информация, которая и является причиной стигматизации. Отец Сони Мармеладовой, разговаривая в трактире с Раскольниковым, с неким опасением признается, что его дочь живет по « желтому билету» – название документа желтого цвета, выдаваемого властями России того времени женщинам, занимающимся проституцией.

Затем, устами разных персонажей (Катерины Ивановны – мачехи Сони, Раскольниковы, немки, Лузина, Дуни – сестры Раскольниковы, Свидригайлова, самой Сонечки) дается оценка этого явления, что обуславливает, с одной стороны, полифонический эффект романа, с другой – показывает процесс формирования стигматизации путем обсуждения, высказывания оценочных суждений, использования оскорбительных наименований, намеков, насмешки в разных ситуациях. Более подробно о стигматизации Сонечки можно прочесть в работе [11].

Психологическая глубина произведений Достоевского обеспечивается проникновением писателя в душу стигматизируемого: описываются страх, смущение, стыд Сонечки, осознание ею себя как грязной, грешной женщины.

Сонечка, в соответствии с мнением Е.А. Пашковского, проходит все стадии стигматизации: навешивание ярлыка, стереотипизацию, сепарацию, дискриминацию. Она живет по «желтому билету», это отличительный признак продажной женщины, она вынуждена жить отдельно, с нею никто (сторона стигматизирующих) не хочет находиться рядом (ситуация поминока). Каждый этап стигматизации находит свое выражение в определенных речевых средствах: лексико-семантическая группа слов (проституция), оценочная лексика, фрагменты повествования, диалогов, бесед, в которых высказывается оценка Сони Мармеладовой как прямо, так и в виде подтекста.

Рассмотрим другой пример стигматизации, описанный Достоевским. Это стигматизация Илюши Снегирева (Братья Карамазовы). Отметим, что среди страдающих в произведениях Достоевского много детей. По мнению Н.А. Азаренко, «исследование творчества писателя показало, что концептуализация темы детства в произведениях писателя происходит в основном посредством концепта СТРАДАНИЕ» [12, с. 1].

Впервые Илюша появляется в сцене встречи Алеши Карамазова с группой школьников, возбужденно преследовавших мальчика, который, в свою очередь, швырял в них камнями. Очень четко автор показывает противопоставление «свой – чужой», «все-один» (группа-один). Из разговора со школьниками Алеша узнает, что Илюша «*подлец*» (номинация – ярлык, отличительная особенность). Почему? Потому что он, по мнению школьников, подло пырнул ножом другого мальчика. Они оправдывают свои действия и неприятие Илюши тем, что он «*сам первый начал*», «*его убить мало*». Однако далее, когда мальчики советуют Алеше спросить Илюшу о «банной мочалке», выясняется, что, как догадывается Алеша, верно, они «*этим как-нибудь дразнят*» мальчика. То есть можно понять, что, скорее всего, началось все с обзывания мальчика, и его агрессивное поведение – это реакция на дразнилку. Со стороны стигматизирующих *раздается «хохот»*, они «*переглядываются «с усмешкой», «засмеялись»*», то есть с помощью данной семантической группы описан один из этапов стигматизации

– высмеивание. Наконец, в описании сцены появляется оценочное выражение «опальный мальчик», каким увидел его Алеша, то есть, по сути, это эвфемическая характеристика мальчика как стигматизируемого.

Далее писатель постепенно подводит Алешу к пониманию того, что значит эта «мочалка» и какое отношение имеет к этому он, то есть в контексте появляется слово - дразнилка, которое и является раздражителем, на который реагирует мальчик.

Достоевский учитывает возраст мальчика, описывая его: он еще маленький, так что свои эмоции, свою реакцию он проявляет не столько словесно, сколько с помощью физических действий (*в спину больно ударился пущенный мальчиком... булыжник; с остервенением опять бросил в него камнем уже прямо в лицо...; сорвался с места и кинулся на Алешу...; больно укусил ему средний палец*). То есть описывается один из этапов стигматизации – конфликт, разрешаемый не словесно, а с помощью физических действий стигматизируемого.

В портретной зарисовке мальчика используются слова и выражения, называющие не свойственные маленьким детям детали: *сверкавшие черные глаза, пытливо наблюдал, с остервенением начал отвечать, с большими темными и злобно смотревшими на него глазами, мрачно посмотрел, раздражительно вскрикнул, злобно засверкав глазами, злобным и вызывающим взглядом следя, совершенно озлился как зверенок*.

Слова, называющие высокую степень проявления признака, оценочные слова, названия отрицательных эмоций (злоба, остервенение, раздражительность), сравнение с озлившимся зверенком, парадигматическая связь с единицами поля «огонь» – рисуют образ маленького мальчика, познавшего в свои годы, как диссонанс, страдания, чувства, которые обычно могут переживать взрослые люди. Можно сравнить с портретными зарисовками противников Илюши, в описании которых часто используются слова *румяный, здоровый, молодцеватый, оживленный*, то есть единицы, называющие характерные для детей портретные детали.

Стигматизируемый человек, в данном случае это ребенок, испытывает стресс, высшую степень проявления таких эмоций, как обида, стыд, злость, раздражение, чувство мести. Естественно, что эти эмоции выражаются, в данном случае с помощью соответствующих портретных зарисовок.

Писатель создает образ стигматизируемого персонажа, но цель не в том только, чтобы изобразить стигматизацию, а в том, чтобы с помощью ущемления персонажа более выпукло, масштабно, наглядно представить мир угнетенных, обездоленных, чтобы показать конфликт, на котором строится художественное повествование.

Следующий пример стигматизации персонажа – князь Мышкин. Роман называется «Идиот». Это слово – и название болезни, и оценка человека в обществе. Почему князя Мышкина можно назвать стигматизируемым? У него есть отличительный признак – болезнь, которую в 19 веке считали неприличной, не свойственной людям высшего общества. В описании портрета автор использует слово «странный» (не такой, как все; непонятный;

нетипичный), которое сразу же выделяет этот персонаж из толпы и является определенным сигналом для читателя: *...во взгляде было что-то тихое, но тяжелое, что - то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь*. То есть открыто называется болезнь, от которой страдает князь.

Второй признак – его нерусскость. Мышкин не похож на людей, проживающих в России, он не такой, как все. Описывая его одежду, автор использует выражение «все не по-русски».

Именно нерусский вид спутника сначала вызывает интерес Рогожина. Он спрашивает «с неделикатной усмешкой, в которой так бесцеремонно и небрежно выражается иногда людское удовольствие при неудачах ближнего: «Не зябко?». То, как задает этот вопрос Рогожин, – уже начало первого этапа стигматизации: насмешка, скрытое высмеивание, неуважение, бесцеремонность.

Дальнейшая стигматизация основывается на том, как Мышкин начинает отвечать: *с чрезвычайной готовностью; готовность отвечать на все вопросы (была) удивительная и без всякого подозрения совершенной небрежности, неуместности, праздности иных вопросов; подхватил швейцарский пациент тихим и примиряющим голосом; с необыкновенной поспешностью признался; отвечал с полной и немедленной готовностью*. Он не замечает насмешки, не замечает тона, и в этом особенность этого героя. Он готов разговаривать открыто, искренне, доброжелательно.

И наконец, главная основа для стигматизации – то, что в разговоре князь раскрывает подробности о своем лечении в Швейцарии или о том, что едет к Епанчиным, хотя и не знает, как его примут. Он признается в том, что *«был отправлен за границу по болезни, по какой-то странной нервной болезни, вроде падучей или виттовой пляски, каких-то дрожаний и судорог»*. И, самое главное, что услышали Рогожин и Лебедев, что князя «не вылечили».

Как выражается стигматизация? *Черномазый несколько раз усмехался; особенно засмеялся; оба слушателя снова захохотали* – языковые средства поля «смех» являются важным признаком стигматизации. А далее оба попутчика Мышкина начинают ёрничать: *в этом узелке вся ваша суть заключается; узелок ваш все-таки имеет некоторое значение; если к вашему узелку прибавить впридачу такую ...родственницу, как генеральша Епанчина, то и узелок примет некоторое иное значение*. В подтексте насмешка, подтрунивание, глумление, издевательство, которые, однако, князь не замечает. В изображении Мышкина как объекта стигматизации нет очень важной оборотной стороны – отрицательной реакции.

Особенность изображения князя Мышкина Достоевским в том, что, начав показывать стигматизацию этого героя романа, автор вдруг раскрывает и другую оценку, другую перспективу: Рогожин говорит, что полюбил его, называет его «юродивым» и заключает: «И таких, как ты, бог любит!»

На протяжении романа Мышкина воспринимают как «странного», что проявляется в том, что его называют «дурачком»: *князь просто дурачок*

и амбиции не имеет, потому что умный князь и с амбицией не стал бы в передней сидеть и с лакеем про свои дела говорить; хотя князь был и дурачок, – лакей уж это решил, – но все-таки генеральскому камердинеру показалось, наконец, неприличным продолжать долее разговор от себя....

Генерал Епанчин, принимая князя, сначала отказывает ему в разговоре. Его «удивляли»: признание князя о том, что он пришел просто, чтобы познакомиться, что он прямо из Швейцарии, что у него из вещей только узелок, что у него нет денег и что госпожа Епанчина может быть очень дальней родственницей. Однако, так же, как и Рогожин, генерал вдруг проникается симпатией к князю, начинает узнавать подробности жизни Мышкина. При этом все равно воспринимает его как человека, с которым можно не соблюдать приличия: он часто перебивает Мышкина, задает ему чересчур откровенные вопросы, но князь не чувствует этой бесцеремонности. Не чувствует и того, что генерал видит в нем человека, который способен только на «нетрудную» (подтекст: не интеллектуальную) работу. Генерал удивляется тому, что знает князь о каллиграфии, а Ганя, «смеясь насмешливо», дает свою оценку князя, что тот осознает «свое назначение» (быть писарем).

Таким образом, вновь «усмешка», «смех», «насмешка» и, во-вторых, подтекст, недомолвки, которые князь разгадывает, чувствует, но не обижается. Истинное отношение генерала к нему заключается в словах жене о князе, что он *не больше как жалкий идиот и почти что нищий и принимает подаяние на бедность*. В этом случае автор реализует еще один этап стигматизации – слухи, обсуждение, пересуды. Семейство Епанчиных обсуждает персону князя: *можно без всякой церемонии; совершенный ребенок и даже такой жалкий; припадки у него какие-то болезненные; одет странно..., и вдобавок ни копейки; кажется, и голоден; не знает, где главу приклонить; спокоен ли он по крайней мере в припадках?*

Генеральша после короткого разговора с князем прямо говорит ему: «Я замечаю, что вы не такой чудака...», а потом дочерям: «Не правда ли, что он вовсе не такой...больной?» Используются слова – эвфемизмы, которые смягчают прозвучавшую ранее оценку князя.

Настоящую, типичную стигматизацию князя демонстрирует Ганя: он почти в лицо называет его «идиот», причем в этом случае слово имеет оценочное значение; *насмешливо посмотрел; вдруг набросился на князя; князя он не церемонился нимало, точно был один в своей комнате, потому что в высшей степени считал его за ничто, «Идиот», –прибавил он про себя; О! идиот пр-ро-клятый, –воскликнул он уже совершенно вне себя, – и рассказать ничего не умеет!* В разговоре с князем он неоднократно грубо прерывает его словами «к черту», «наплевать».

И вот тут в первый раз князь реагирует на стигматизацию. Но как? Он разъясняет: «... Я прежде действительно был так нездоров, что и в самом деле был почти идиотом, но теперь я давно уже выздоровел, и потому

мне несколько неприятно, когда меня называют идиотом в глаза». Вместо обиды, реакции на оскорбление он «разъясняет», вновь продемонстрировав отсутствие агрессии.

В течение повествования еще не раз прозвучит в адрес князя слово «идиот»: в сцене знакомства Настасьи Филипповны с князем (*Князь ясно даже слышал слово «идиот», прошептанное сзади его, кажется Фердыщенко...*). Но в то же время окружающие князя люди начинают понимать, что на самом деле он не идиот: об этом говорит Лидия Прокофьевна, об этом говорит Рогожин, об этом говорит даже Ганя (*И с чего я взял давеча, что вы идиот! Вы замечаете то, чего другие никогда не заметят!*) Иначе говоря, в романе слова «идиот», «дурачок» меняют свою семантику. Они уже не обозначают болезнь, а выражают оценку, основывающуюся на действиях, поведении князя, которые вызывают удивление, изумление у окружающих: *В ответ на слова князя о прощении, обращенные к Настасье Филипповне, она отвечает: «Не просите прощения... этим нарушится вся странность и оригинальность. А правду, стало быть, про вас говорят, что вы человек странный...»*

Здесь слово «странный» теряет свою связь с медицинским термином «идиот» и начинает обозначать «не похожий на других, непривычный, нетипичный, особенный», поэтому все считают его «того...» Это значение выявляется в результате анализа контекста: люди, слышавшие признания князя в адрес Настасьи Филипповны «громко смеялись»; Дарья Алексеевна в доме Настасьи Филипповны отмечает: «...Хотите князя с собой же прицепить, благо он безответный».

Наиболее полно, ясно семантизируются значения слов и выражений «идиот», «странный», «того» в речи Настасьи Филипповны. Мышкина все считает дурачком, потому что абсолютно не похож на окружающих его людей: *он истинно преданный человек, у него доброе сердце, эдакий-то младенец, добрый, честный, хороший и такой же глупенький, в первый раз человека видела – вот какие качества увидела в князе Настасья Филипповна. Если до определенной поры в романе выражалась оппозиция «здоровый человек - больной человек», то затем эта оппозиция заменяется другой «ищущие только выгоды- бескорыстный».*

В определенный момент повествования разные персонажи уже признают, что несмотря на медицинский диагноз, князь вполне здоровый человек, и дурачком его называют за то, что он не думает о выгоде, что искренен, щедр: Тоцкий про себя подумал: *«Идиот, а знает, что лестью всего лучше возьмешь, натура!»* Генерал Епанчин: *«Человек образованный, но погибший!»* Лизавета Прокофьевна: *«Старуха Белоконская сообщает ей весьма утешительные сведения об этом...чудаке, ну, вот, о князе-то!»...»* Это хорошо, что сиднем не сидит и не стыдится, как дурак». *«Генеральша на это отозвалась, что в этом роде ей и Белоконская пишет, и что «это глупо, очень глупо; дурака не вылечишь», –резко прибавила она, но по лицу ее видно было, как она рада была поступкам этого « дурака».*

Таким образом, автор произведения раскрывает весь потенциал наименования «идиот»: название болезни, общественная оценка человека. Примечательно, что в заключительных частях романа вновь рисуется образ князя, потерявшего рассудок, ставшего, по словам его лечащего врача, идиотом (возвращение к медицинскому значению термина).

Заключение

Исследование случаев стигматизации, изображенных в произведениях Достоевского, позволяет сделать несколько выводов:

стигматизация как общественное явление достаточно широко представлено в произведениях Достоевского;

в изображении этого феномена автор показывает разные типичные этапы, начиная с выявления особенности персонажа, считающейся в обществе, по словам Гофмана, постыдной; эта особенность бросается в глаза, она становится известна сообществу; за эту особенность стигматизируемый получает маркер (стигму), выражающуюся в ярлыке, дразнилке, прозвище, кличке и т.д.; в сообществе определяется оппозиция «свой- чужой», «соответствующий норме- не соответствующий»; со стигматизируемым связываются стереотипы; стигматизируемый подвергается высмеиванию, провокациям; отчуждению от общества, как моральному, так и физическому; о нем говорят, его обсуждают, над ним смеются;

стигматизируемый реагирует: стыдится, возмущается, оскорбляется, подчиняется правилам, смиряется, обвиняет себя, иногда вступает в конфликт.

Все эти этапы стигматизации находят свое выражение с помощью различных языковых средств: портретные зарисовки стигматизируемого, включающие описание какой- либо особенности, не считающейся нормой в обществе; обозначение этой особенности словами – дразнилками, прозвищами, кличками; обсуждение поведения персонажа в формате слухов, пересудов, анекдотов, историй (монологические высказывания отдельных персонажей по одному и тому же поводу, обеспечивающие полифонию, субъектную многоплановость; диалоги разных героев, авторские описания и повествования), использование подтекста (по форме положительное или нейтральное описание, по содержанию – высмеивание, издевательство), использование возможностей разговорного и грубо- просторечного стилей, грубый, бесцеремонный, не деликатный тон общения со стигматизируемым (прерывание, бестактные вопросы, многозначительные паузы, переспрашивания и т.д.). Характерными лексическими группами являются слова со значением «смех», «эмоции, эмоциональные реакции», глаголы речи, мысли, действий; использование так называемой инвективной лексики.

Особенностями изображения стигматизации персонажа Достоевским является: конечная цель изображения – углубление образа героя, отражение реальной картины восприятия в обществе людей, имеющих особенности; более глубокое психологическое звучание произведения в силу изображения

внутреннего мира стигматизируемого; усиление роли стигматизируемого в создании образной картины мира (нищета и богатство; честность и продажность; доброта и жестокость; выгода и бескорыстие и др.)

Стигматизируемые персонажи в произведениях Достоевского очень часто выражают основную идею: князь Мышкин – носитель идеи идеального человека, Сонечка Мармеладова – идеи жертвенности, страдания, Настасья Филипповна – жизненная трагедия женщины-содержанки и т.д.

Таким образом, роль таких персонажей в произведениях Достоевского чрезвычайно велика. В речевом воплощении стигматизации используются единицы, присущие ей как одному из видов дискурсивной практики.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Идиот. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 12 томах. Тт. 5-7, 11-12. – М.: Издательство «Правда», 1982

[2] Гофман И. Стигма. Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3 и 6) // Перевод М.С. Добряковой. – N.Y.: Prentice-Hall, 1963. – 40 с.

[3] Пашковский Е. А. Социальная стигматизация в современном образовании // Дискурс. – С.-П.: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). – 2017. – № 3. – С.111-118.

[4] Лисица К.Э., Туркулец А.В., Туркулец С.Е. Социальная стигматизация и образовательная неуспешность: механизм взаимовлияния// Право и практика. – М.: НИИ ИЭП, 2023. – № 3. – 169 с.

[5] Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Образовательная стигматизация как социальный феномен: социологический анализ // Мир России. – 2023. – Т. 32. – № 2. – С. 6-29. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-6-29

[6] Олешкова А.М. Проблема стигматизации в современном новоязе // Общество:

философия, история, культура. – 2024. – № 8. – С. 49-54. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.8.6>.

[7] Олешкова А.М., Потапов Н.М. Генеалогия цифровой стигматизации: от великого заточения к алгоритмам исключения в эпоху социальных медиа // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 7. – С. 40-46. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.7.5>.

[8] Цыбульская М.П. Textoобразующие категории диктума и модуса в процессе стигматизации // Журналістыка – 2022: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 24-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 3 лістап. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Л. Р. Хмель (гал. рэд.). – Мінск : БДУ, 2022. – С. 337-339.

[9] Кравченко Г.Н. Коммуникативный механизм стигматизации как основа формирования негативного образа профессии: дис. ...канд. социол. наук. – Харьков, 2010. – 244 с.

[10] Меттибаева С.А., Досымбекова Р. Инвективті лексика тілдік агрессияны білдіру құралы ретінде (Ш.Мұртазаның «Қызыл жебе» романы негізінде) // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Филологические науки». – 2024. – №4 (75). – С.150-165.

[11] Тойшибаева Г.К. Языковые средства выражения стигматизации (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. Вып. 13 / гл. ред. С. С. Худяков, отв. ред. Т. А. Дьякова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 148-155.

[12] Азаренко Н.А. Концепт *СТРАДАНИЕ* как основной репрезентант темы детства в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №2. – С.1. <https://cyberleninka.ru/publisher/n/tambovskiy-gosudarstvennyy-universitet-imeni-g-r-derzhavina>.

REFERENCES

[1] Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie. Idiot. Brat'ya Karamazovy [Crime and Punishment. The Idiot. The Brothers Karamazov] Sobranie sochinenij v 12 tomah. Tt. 5-7, 11-12. – M.: Izdatel'stvo «Pravda», 1982 [I n Rus.]

[2] Gofman I. Stigma. Zametki ob upravlenii isporchennoj identichnost'yu. Chast' 1. Stigma i social'naya identichnost'. Chast' 2. Kontrol' nad informaciej i social'naya identichnost' [Notes on Managing Damaged Identity. Part 1. Stigma and Social Identity. Part 2. Information Control and Social Identity] (glavy 3 i 6). // Perevod M.S. Dobryakovej. – N.Y.: Prentice-Hall, 1963. – 40 s.

[3] Pashkovskij E. A. Social'naya stigmatizaciya v sovremennom obrazovanii [Social stigma in modern education] // Diskurs. –S.-P: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj elektrotekhnicheskij universitet «LETI» im. V. I. Ul'yanova (Lenina). –2017. – № 3. – S.111-118 [in Rus.]

[4] Lisica K.E., Turkulec A.V., Turkulec S.E. Social'naya stigmatizaciya i obrazovatel'naya neuspeshnost': mekhanizm vzaimovliyaniya [Social stigma and educational failure: the mechanism of mutual influence] // Pravo i praktika. – M.: NII IEP, 2023. – № 3. – 169 s. [in Rus.]

[5] Zborovskij G.E., Ambarova P.A. Obrazovatel'naya stigmatizaciya kak social'nyj fenomen: sociologicheskij analiz [Educational stigma as a social phenomenon: a sociological analysis] // Mir Rossii. – 2023. – T. 32. – № 2. – S.6–29. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-6-29 [in Rus.]

[6] Oleshkova A.M. Problema stigmatizacii v sovremennom novoyaze [The problem of stigmatization in modern Newspeak] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2024. – № 8. – S. 49–54. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.8.6>. [in Rus.]

[7] Oleshkova A.M., Potapov N.M. Genealogiya cifrovoj stigmatizacii: ot velikogo zatocheniya k algoritmam isklyucheniya v epohu social'nyh media [The Genealogy of Digital Stigma: From the Great Incarceration to Algorithms of Exclusion in the Age of Social Media] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2025. – № 7. – S. 40–46. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.7.5>. [in Rus.]

8] Cybul'skaya M.P. Tekstoobrazuyushchie kategorii diktuma i modusa v processe stigmatizacii [Text-forming categories of dictum and mode in the process of stigmatization] // Zhurnalistyka – 2022: stan, prablemy i perspektivy: materyyaly 24-j Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Minsk, 3 listap. 2022 g. / Belarus. dzyarzh. un-t; redkal.: L. R. Hmel' (gal. red.). – Minsk: BDU, 2022. – S. 337-339 [in Rus.]

[9] Kravchenkova G.N. Kommunikativnyj mekhanizm stigmatizacii kak osnova formirovaniya negativnogo obraza professii [The communicative mechanism of stigmatization as the basis for the formation of a negative image of the profession]: dis. ...kand. sociol. nauk. – Har'kov, 2010. – 244 p. [in Rus.]

[10] Mettibaeva S.A., Dosymbekova R. Invektivti leksika tildik agressiyanı bildiru qıraly retinde (SH.Mırtazanıñ «Kyzıl zhebe» romany negizinde) [Invective vocabulary as a means of expressing linguistic aggression (based on Sh. Murtazan's novel "Kyzıl Zhebe")]// Izvestiya KazUMOıMYA imeni Abylay hana, seriya « Filologicheskie nauki». – 2024. – №4 (75). – B.150-165 [in Kaz.]

[11] Tojshibaeva G.K. YAzykovye sredstva vyrazheniya stigmatizacii (na materiale proizvedenij F. M. Dostoevskogo) [Linguistic means of expressing stigmatization (based on the works of F. M. Dostoevsky)] // Slavyanskij mir: duhovnye tradicii i slovesnost': sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / M-vo nauki i vyssh. obr. RF [i dr.]. Vyp. 13 / gl. red. S. S. Hudyakov, otv. red. T. A. D'yakova. – Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2023. – S. 148-155 [in Rus.]

[12] Azarenko N.A. Koncept STRADANIE kak osnovnoj reprezentant temy detstva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The concept of SUFFERING as the main representative of the theme of childhood in the works of F.M. Dostoevsky]// Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2010. – №2. – S.1.<https://cyberleninka.ru/publisher/n/tambovskiy-gosudarstvennyy-universitet-imeni-g-r-derzhavina>.

КӨРКЕМ МӘТІНДЕГІ СТИГМАТИЗАЦИЯНЫ БЕЙНЕЛЕУДІҢ ТІЛДІК ҚҰРАЛДАРЫ (Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ ШЫҒАРМАЛАРЫ МАТЕРИАЛЫНДА)

Тойшыбаева Г.Қ.¹, *Сыздықбаев Н.А.², Абжанова Т.А.³

^{1, *2,3}Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада стигматизацияның әлеуметтік құбылыс ретіндегі тілдік репрезентация құралдары қарастырылады. Стигматизация белгілі бір белгісі бойынша қауымдастықтан ерекшеленетін жеке тұлғаны немесе адамдар тобын таңбалау (маркерлеу) және қоғамнан физикалық немесе моральдық шеттетуі үдерісі ретінде түсіндіріледі.

Зерттеудің мақсаты – көркем мәтіндегі стигматизацияға ұшыраған кейіпкер бейнесін жасауда қолданылатын лексикалық-фразеологиялық, синтаксистік және стилистикалық құралдарды анықтау, оның автор ұсынған әлемнің көркем бейнесін ашудағы рөлін айқындау, сондай-ақ автордың тілдік ерекшеліктерін сипаттау.

Зерттеу міндеттері: талдауға қажетті материалды жинақтау және жүйелеу, оны қолданылған тілдік құралдар тұрғысынан қарастыру, стигматизацияланған кейіпкердің шығарманың идеялық-эстетикалық мазмұнын ашудағы рөлін анықтау, сондай-ақ стигматизация жағдайларын бейнелеудегі авторлық ұстанымның ерекшелігін айқындау.

Жұмыстың ғылыми жаңалығы мен маңыздылығы Достоевский шығармашылығындағы стигматизация феноменін тілдік жүзеге асуы тұрғысынан қарастыруда, сондай-ақ стигматизацияны дискурстық практика ретінде зерттеуде көрінеді.

Зерттеудің практикалық маңыздылығы оның нәтижелерін мектеп пен жоғары оқу орындарында Достоевский шығармашылығын оқытуда, сондай-ақ коммуникацияның әртүрлі салаларындағы стигматизацияның тілдік құралдарын дискурстық практика ретінде талдауда қолдану мүмкіндігімен айқындалады.

Мақалада материалды тұтас іріктеу, сипаттау және жіктеу, сондай-ақ дискурс-талдау әдістері қолданылды.

Зерттеу материалы ретінде Ф.М. Достоевскийдің 1860–1870 жылдардағы романдарының мәтіндері алынды. Талдау барысында стигматизацияланған кейіпкерлер қатарына жатқызуға болатын тұлғалар анықталды (Соня Мармеладова, князь Мышкин, Настасья Филипповна, Илюша Снегирев және т.б.). Мұндай кейіпкерлерді бейнелеуде автор белгілі бір лексикалық топтарды («күлкі», «қауесет», «эмоциялық реакция» және т.б.), фразеологиялық құралдарды («сары билет»), стилистикалық тұрғыдан төмендетілген лексиканы, айқын имплицитті мазмұны бар синтаксистік құрылымдарды және басқа да тілдік тәсілдерді қолданады. Стигматизацияланған кейіпкерлердің тілдік бейнеленуі олардың ішкі әлемін ашуға ықпал етеді, ал бұл өз кезегінде Достоевский шығармаларының психологиялық тереңдігін қамтамасыз етеді. Жалпы алғанда, кейіпкер образын жасаудың мұндай қыры автордың дара көркемдік тәсілі ретінде қарастырылуы мүмкін.

Зерттеу нәтижелерін лингвопоэтикаға, дискурстық практикалар теориясына және коммуникативистикаға қосылған белгілі бір үлес ретінде бағалауға болады. Ғылыми жұмыстың негізгі қағидалары қоғамдағы коммуникацияның әртүрлі салаларындағы стигматизация көріністерін талдау тәжірибесінде қолданылуы мүмкін.

Тірек сөздер: стигматизация, стигматизацияның тілдік көрінісі, таңбалау, көркем мәтін, дискурсивті тәжірибе, көркем әдебиеттің психологиялық тереңдігі, кейіпкердің ішкі әлемі, әлемнің көркем бейнесі

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING STIGMA IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY)Toyshibaeva G.K.¹, *Syzdykbaev N.A.², Abzhanova D.A.³^{1, *2,3}Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The article examines linguistic means of representing stigmatization as a social phenomenon involving the labeling (marking) and exclusion of an individual or a social group distinguished from the community by a particular characteristic.

The aim of the study is to identify the lexical, phraseological, syntactic, and stylistic means used to construct the image of a stigmatized character in a literary text, to determine the role of such a character in revealing the artistic worldview created by the author, and to characterize the author's individual linguistic features.

The objectives of the research include collecting and systematizing the material for analysis, examining it from the perspective of the linguistic means employed, identifying the role of the stigmatized character in conveying the ideological and aesthetic content of the literary work, and determining the specificity of the author's approach to depicting situations of stigmatization.

The scientific novelty and significance of the study lie in the examination of the phenomenon of stigmatization in Dostoevsky's works from the perspective of its linguistic representation, as well as in the investigation of stigmatization as a discursive practice.

The practical significance of the research is determined by the possibility of applying its findings in the teaching of Dostoevsky's works at schools and universities, as well as in the study of linguistic means of stigmatization as a discursive practice in various spheres of communication.

The study employs the methods of continuous sampling, description and classification, and discourse analysis.

The research material consists of the texts of Fyodor Dostoevsky's novels written in the 1860s and 1870s. The analysis identified a number of characters who may be regarded as stigmatized, including Sonya Marmeladova, Prince Myshkin, Nastasya Filippovna, Ilyusha Snegiryov, and others. In portraying such characters, the author employs characteristic lexical groups ("laughter," "rumours," "emotional reaction," etc.), phraseological units (e.g., "yellow ticket"), stylistically marked colloquial and substandard vocabulary, syntactic devices with pronounced implicit meanings, and other linguistic means. The linguistic representation of stigmatized characters contributes to the disclosure of their inner world, which, in turn, accounts for the psychological depth of Dostoevsky's works. In general, this aspect of character construction may be regarded as an individual authorial technique of artistic representation.

The findings of the study contribute to the fields of linguopoetics, discourse studies, and communication theory. The main provisions of the research may be applied in the analysis and identification of manifestations of stigmatization in various spheres of social communication.

Keywords: stigmatization, linguistic representation of stigmatization, labeling, literary text, discursive practice, psychological depth of fiction, character's inner world, artistic worldview

Мақала түсті / Статья поступила / Received: 12.06.2026.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted: 25.09.2026.

Информация об авторах:

Тойшибаева Гүлжан Кайрлыновна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, кафедра лингвистики и информационно-коммуникационных технологий, <https://orcid.org/0009-0006-5018-0785>, e-mail: gulzhantoyishibaeva@gmail.com

Сыздықбаев Нурғали Артықбаевич – PhD, доцент Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, кафедра лингвистики и информационно-коммуникационных технологий, e-mail: siznur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8162-4792>

Абжанова Тығаш Атамкуловна – кандидат филологических наук, доцент Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, кафедра лингвистики и информационно-коммуникационных технологий, e-mail: dabzhanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3285-3659>

Авторлар туралы мәлімет:

Тойшыбаева Гүлжан Қайырлықызы – филология ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Тіл білімі және ақпараттық-коммуникациялық технологиялар кафедрасы, <https://orcid.org/0009-0006-5018-0785>, gmail: gulzhantoyishibaeva@gmail.com

Сыздықбаев Нурғали Артықбаевич – PhD, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Тіл білімі және ақпараттық-коммуникациялық технологиялар кафедрасы, e-mail: siznur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8162-4792>

Абжанова Тығаш Атамқұлқызы – филология ғылымдарының кандидаты, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің «Тіл білімі және ақпараттық-коммуникациялық технологиялар» кафедрасының доценті, e-mail: dabzhanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3285-3659>

Information about the authors:

Toishibaeva Gulzhan Kairlynovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Department of Linguistics and Information and Communication Technologies, <https://orcid.org/0009-0006-5018-0785>, gmail: gulzhantoyishibaeva@gmail.com

Syzdykbayev Nurgali – PhD, Associate Professor of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Department of Linguistics and Information and Communication Technologies, e-mail: siznur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8162-4792>

Abzhanova Tygash Atamkulovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Department of Linguistics and Information and Communication Technologies, e-mail: dabzhanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3285-3659>